

Разглашение секрета производства как извлечение преимущества из недобросовестного поведения

Абу Салех Роман Таревич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: romanabusaleh@yandex.ru

Отсутствие «исключительного права» в традиционном смысле и обусловленность охраны секрета производства конфиденциальностью соответствующих сведений предопределяет шаткость правового режима последнего (в данной работе не будут обсуждаться теоретические споры относительно возможности существования исключительных прав на секрет производства; более подробно об указанных дискуссиях см.: Л. Г. Блинова. Ноу-хау в российском и зарубежном праве[3]). Исходя из этого, наиболее важным и, соответственно, сложным, является вопрос ответственности за разглашение информации. Следовательно, правильность работы механизма ответственности является залогом работоспособности института секрета производства в целом.

Исходя из содержания ст. 1467 ГК, разглашение секрета производства означает прекращение исключительных прав на него, причем одновременно для всех правообладателей. Суд по интеллектуальным правам толкует разглашение содержания секрета производства как доступность соответствующих сведений третьим лицам, которые не обязаны сохранять их конфиденциальность [1]. Таким образом, разглашение лицом, даже обязанным сохранять конфиденциальность сведений о секрете производства, может привести к прекращению прав на него, то есть к переходу секрета производства в общественное достояние [2].

Данный переход означает возможность использования секрета производства для собственных целей любым лицом, в том числе лицом, действия которого стали причиной разглашения секрета производства. Представляется, что подобное регулирование неверно, т.к. означает возможность извлечения выгоды из собственных неправомερных действий. Верное на первый взгляд решение, заключающееся в сохранении режима секрета производства для перешедших посредством неразрешенных методов в общественное достояние сведений[6], противоречило бы существу секрета производства как конфиденциальной информации.

Обращение к зарубежному опыту, в частности опыту Великобритании, дает решение данной проблемы. Им является доктрина «трамплина» («springboard» doctrine), подробно описанная в делах Terrapin Ltd v. Builder's Supply Co. (Hayes) Ltd [1967] RPC 375 и Cranleigh Precision Engineering Ltd v. Bryant [1964] 3 ALL ER 289. Доктрина «трамплина» заключается в том, что, даже если информация перешла в общественное достояние, те лица, в отношении которых действовала обязанность сохранения конфиденциальности информации, не могут использовать соответствующие сведения, если их неправомερные действия способствовали прекращению режима секрета производства [5]. В принципе, указанную доктрину можно «вывести» из п. 4 ст. 1 ГК («Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения»). Таким образом, введение доктрины возможно и без изменения законодательного регулирования соответствующих отношений. Достаточно лишь направить в нужное «русло» судебную практику.

Представляется, что использование данной доктрины и расширение сферы ее действия на всех лиц, неправомερные действия которых привели к прекращению режима конфиденциальности, позволит, посредством превенции, сделать невыгодным извлечение при-

были из промышленного шпионажа. Однако стоит учитывать, что запрет использования ноу-хау, перешедшего в общественное достояние, должен распространяться также и на то лицо, по чьему указанию, к чьей выгоде и чьим пособничеством это было сделано. Разумеется, найти сквозь цепочку пособников лицо, от которого исходило первичное указание на раскрытие секрета производства, достаточно сложно. Так или иначе, наличие соответствующего состава преступления в Уголовном кодексе (ст. 183) несколько упрощает доказывание связи между указанными лицами, т.к. органы, осуществляющие предварительное следствие, имеют больше полномочий по расследованию дела (см., например, гл. 25 УПК РФ), нежели прав частные лица.

Несмотря на неочевидность возможности найти в каждом конкретном деле лицо, к выгоде которого совершается раскрытие секрета производства, представляется необходимым использовать в судебной практике указанную доктрину. Причиной тому можно назвать тот факт, что данная доктрина, хоть и несовершенна, все же является лучшим средством защиты прав обладателя секрета производства по сравнению с имеющимися *de lege lata*.

Отдельного рассмотрения в рамках данной темы заслуживает вопрос ответственности работника за разглашение секрета производства. Как известно, убытки за разглашение секрета производства относятся к упущенной выгоде. ТК РФ же предусматривает ответственность лишь за реальный ущерб (ст. 238 ТК) и лишь в размере среднего месячного заработка работника (ст. 241 ТК). В соответствии со ст. 243 ТК за разглашение конфиденциальных сведений работника возможно привлечь и к полной материальной ответственности, однако лишь «в случаях, предусмотренных федеральными законами». Найти таких законов не удалось. Представляется, что данное ограничение размера ответственности работника должно быть снято. Следует полагать, что, в силу крайне высокого стандарта доказывания по данной категории дел [4], указанное ужесточение не приведет к необоснованному взысканию с работников полной суммы убытков за неумышленное или сфальсифицированное разглашение конфиденциальной информации.

Резюмируя все вышесказанное, следует остановиться на двух основных пунктах: (1) для предотвращения случаев промышленного шпионажа и извлечения преимуществ из незаконного поведения необходимо использование (с указанным расширением) в судебной практике доктрины «трамплина»; (2) ограничение ответственности работника реальным ущербом (качественно) и средним месячным заработком работника (количественно) должно быть снято в пользу полного возмещения причиненных убытков.

Источники и литература

- 1) Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 мая 2015 г. по делу N А40-118756/2013.
- 2) Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009, с. 776.
- 3) Л. Г. Блинова. Ноу-хау в российском и зарубежном праве: Теория и практика. ИНИЦ «ПАТЕНТ». Москва, 2013.
- 4) Е. Семенова. Чего не знаешь, за то не отвечаешь // «ЭЖ-Юрист», 2013, №48.
- 5) Tina Hart, Linda Fazzani, Simon Clark. Intellectual property law. Fifth edition. Palgrave Macmillan. Hampshire. 2009, p. 64-65.
- 6) James Boyle, Jennifer Jenkins. Intellectual Property: Law & The Information Society. Cases & Materials. Second Edition. Center for the Study of the Public Domain. 2015, P. 776-778.